

ФЕНОМЕН ПЕРЕГИБА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Тепляков Алексей Георгиевич,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры философии и гуманитарных наук

Новосибирского государственного университета экономики и управления,

Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56

teplyakov-alexey@rambler.ru

Аннотация

Настоящая статья анализирует феномен перегиба, обычно сопровождающего человеческую жизнь в качестве одного из элементов неконструктивного поведения. В ней нас будет интересовать феномен перегиба в России эпохи поздней империи и советского периода, когда перегиб де-факто конституировался и стал одним из способов управления социумом. Автор доказывает, что с развитием общества власть начинает нуждаться в перегибе как средстве эффективной политики управления, которое позволяет тестировать общественное мнение, при этом добиваясь тех целей, которые ставит власть. Беря на себя задачи осуществления глобальных и быстрых насильственных изменений, власть сталкивается с сопротивлением массы людей. Показано, что перегиб из бытовой сферы перемещается во властную, обретая особое качество. Перегиб, проявляющийся при доведении властного посыла до населения, оказывается самым простым и эффективным способом компенсировать отсутствие механизмов обратной связи власти с обществом. Этот феномен оказался необходимым и авторитарной власти, особенно тоталитарной. С помощью перегиба она себя легитимизирует, объясняет ошибки и находит виновных. Отмечается, что в коммунистической системе перегиб занял почетное место стимулятора и регулятора в политической, социально-экономической и культурной жизни. В СССР всё время проводились мобилизационные кампании, при осуществлении которых перегиб становился предпосылкой успеха. Таким образом, перегиб стал важным и неотъемлемым способом взаимодействия диктаторского государства и общества. Делается вывод о том, что феномен властного перегиба действует и поныне. Показывается, что это свидетельствует об архаичности национального сознания, которое никак не может достичь золотой середины самоуважения, а также почтения к праву.

Ключевые слова: перегиб, власть, самодержавие, авторитаризм, террор, Сталин.

Библиографическое описание для цитирования:

Тепляков А.Г. Феномен перегиба в российской истории // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 2, ч. 2. – С. 303–326. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-303-326.

Термин «перегиб» часто употребляется в связи с реалиями русской жизни и истории. Традиционно перегиб – это вредная крайность, перебор, усердие не по разуму, во многом обесценивающее задуманное действие. Перегиб типичен для человеческого поведения вообще, но вряд ли можно сомневаться, что отечественное явление перегиба прямо связано с некоторыми чертами русского характера: его недисциплинированностью и безответственностью, желанием непременно дойти до края; неумением организовать без принуждения; правовым нигилизмом; недоверием к власти с одновременным слепым подчинением ей; соединением ощущения превосходства над иностранцами с подобострастием перед ними. Бытовой перегиб высмеивал И.А. Крылов в басне «Трудолюбивый медведь», где недалекий зверь стубил массу леса, по «прямому методу» принявшись гнуть дуги и бестолково ломая лесины. Мораль проста: «А дуги гнут с терпеньем и не вдрут», иначе выходит только одно разрушение.

В целом русское общество привыкло спокойно или даже благожелательно реагировать на различные перегибы и в быту, и в общественной жизни (кроме пронизательного меньшинства, критиковавшего тех, кто готов лоб себе разбить в молитвенном усердии), рассуждая о том, что лучше «перегнуть, чем недогнуть» и что «если лес рубят, то щепки летят». Другая известная пословица развивает сходную тему о том, что сделанное в любом случае лучше несделанного: лучше сделать и пожалеть, чем потом жалеть, что не сделал. В настоящей статье нас будет интересовать феномен перегиба в России эпохи поздней империи и советского периода, особенно в сталинскую эпоху, когда перегиб, по нашему мнению, де-факто конституировался и стал одним из способов управления социумом.

Перегиб в обыденной жизни типичен для неопытных, неразвитых людей, плохо приученных к какой-либо деятельности. Это обычная ошибка и в человеческих взаимоотношениях. Перегиб очевидно связан с традиционным патриархальным укладом, где отец отвечает за неправильные поступки жены и детей, может им приказывать, строго спрашивать за ошибки, но сам занимает верхнюю иерархическую ступень. Нам интересен перегиб не как бытовое явление. История показывает перегиб и как следствие архаической реакции на проблему взаимоотношений власти и общества. Перегиб в политике, по нашему мнению, тесно связан с мобилизационными рывками, которыми всегда продвигалась Россия, не умея рационально распоряжаться ресурсами и предпочитая кризисное управление. Цель ис-

следования — доказать, что перегиб, всегда существовавший в быту, в нашей общественно-политической жизни сознательно исходил от власти, движения которой всегда и определяли основное течение русской жизни.

Всякое чрезмерное насилие рождает перегибы со стороны исполнителей. В московской и петровской Руси властные перегибы для современного наблюдателя очевидны. Самодержавное государство, которое существует без выраженной ответственности перед обществом, в таком понятии совершенно не нуждается. Иван Грозный даже опричный террор не считал перегибом. В.О. Ключевский полагал, что все помыслы Грозного сводятся к идее о самодержавной власти, философия которой заключена в знаменитом царском афоризме «Жаловать своих холопей мы вольны и казнить их вольны же». В своих сочинениях Грозный отрицал ответственность царя перед подданными, провозглашая принцип полной надзаконности верховной власти [16, с. 210]. Главной функцией правителя Иван IV видел необходимость карать зло, поражать подобно грозе, т. е. божьей воле. И раз функция царя — наказание, то пролитие крови его не страшит, поскольку не будет вменено ему в вину [26, с. 457–478].

Идея широкой чистки правящего класса видна из намерения царя лично «перебрать людишек». Создав опричнину, Иван Грозный действовал в устроенной им мобилизационной террористической системе, где перегиб (в современном, разумеется, понимании) был сознательным и не выходил за пределы палаческого круга: сегодня усердствуем с казнями, завтра, не жалея лбов, отмаливаем грехи. Царь действовал как высший иерарх и авторитет, создав военно-религиозный орден опричников с правом разыскивать и казнить бояр-изменников (тогдашних «врагов народа»), уверенный, что «людишки», которых следовало «перебрать», — это просто мусор. Важно отметить, что его позднейшее покаяние за террор вызвано не желанием компенсировать как-то свою избыточную жестокость, а всего лишь страхом посмертной кары, ибо невинно убиенные попадают в царство небесное, а вот убийцы будут отвечать перед Господом за то, что их жертвы погибли «неправильной» смертью, без процедуры обязательного покаяния.

Центральная власть, будучи самодержавной, периодически нуждалась в поисках тех, кто перегнул, выполняя ее указания. Но это лишь эпизоды реагирования на эксцессы, которые могли быть связаны народом с ошибками самодержавной машины. Так, Алексей Михайлович мог соглашаться с требованиями толпы наказать «плохих» бояр и позволять восставшим москвичам громить их дворы.

Порой местные власти не торопились исполнить указания монарха, если видели их несостоятельность. Типичным перегибом со стороны юного Алексея Михайловича была попытка в 1648 г. с позиций религиозной ортодоксии решительно повлиять на частную жизнь. Крестьяне и го-

рожане, погрязши в языческих верованиях (исповедуя нередко двоеверие) и традиционных развлечениях, манкировали посещением церквей, отчего в городах и уездах учинилось «великое бесчинство». Воеводам были посланы указания велеть, чтоб «в городе, и в слободах, и в уезде мирские всяких чинов люди, и жены их, и дети... к церквам Божиим к пению приходили... и слушали б церковнаго б пения со страхом и со всяким благочестием внимательно... и от безмернаго пьяного питья уклонялися... и, скоморохов з домрами, и с гусли, и с волынками, и со всякими игры, и ворожей, мужиков и баб, к болным и ко младенцем в дом к себе не призывали, и в первой день луны и в гром на водах не купались, и с серебра... не умывались, и олова и воску не лили, ...и карты, и шахмоты... не играли, и медведей и с сучками не плясали, и никаких бесовских див не творили, и на браках песней бесовских не пели, и никаких срамных слов не говорили, и по ночам на улицах и на полях богомерских и скверных песней не пели, и сами не плясали, и в ладоши не били, ...и кулашных боев меж себя не делали, и на качелях ни на каких не качались, и на досках мужесково и женесково полу не скакали, и личин на себя не накладывали, и кобылок бесовских и на свадьбах бесчинства и сквернословия не делали. <...> ...Где такое бесчиние объявится, или кто на кого такое бесчиние скажут, и вы б тех велели бить батоги., а которые люди от того не отстанут, а объявятся в такой вине в третие и в четвертые, и тех, по нашему указу, велено ссылать в украинные города за опалу...» [12, с. 296–299]. Однако попытка богобоязненного монарха одним указом отвратить народ и от суеверий, и от ярмарочных зрелищ, и от сквернословия, азартных игр и даже «скакания на досках» закономерно провалилась. Радикальный указ был просто саботирован и остался курьезным юридическим памятником эпохи молодого Алексея Михайловича.

Дальнейшее внедрение усовершенствованной Никоном церковной обрядности и резкое усиление инквизиционной активности против «раскольщиков» самодержец и исполнители его воли перегибом, разумеется, не считали. Зато власти на местах некоторые нормы Соборного уложения всё же полагали излишне жестокими и применяли менее суровые наказания. Современные историки отмечают, что судьи обладали определенной независимостью и гибкостью, необходимыми для удовлетворения местных нужд. Так, нередко они миловали бунтовщиков именем царя для того, чтобы сохранить на местах стабильность. Местные сообщества оказывали влияние на судебные процедуры, поскольку обеспечивали замещение многих судебных должностей, поручительство за тяжущихся во время и после судебного процесса, свидетельствовали о репутации обвиняемых и ходатайствовали перед судьями о том или ином приговоре.

Возможно, и высшие власти считали перегибом самые жестокие нормы Соборного уложения. Так, пресловутое заливание горла фальшивомонетчиков расплавленным металлом продержалось до 1723 г., после чего им просто отрубали голову «для скорой смерти». При правительнице Софье Алексеевне в 1689 г. отменили и закапывание в землю для мужеубийц, однако по указу Петра I от 1714 г. нормы Соборного уложения получили в уголовном праве преимущество перед позднейшими указами, так что закапывание в землю, подобно сожжению заживо для еретиков, фиксировалось и в эпоху Анны Иоанновны [17, с. 335, 368].

Пётр I, рьяно предпринимая разнонаправленные мобилизационные рывки, общество на прочность не тестировал и чиновников за избыточное усердие не карал. Бюрократы должны были исполнять его волю, и их усиленное старание подразумевалось. С точки зрения Петра, перегибы в жестокости (например, колоссальное расширение числа обвиненных и казненных по стрелецкому заговору) были оправданы, ибо укрепляли власть. Перегибом со стороны первого императора можно считать его легендарное указание вешать тех чиновников, кто украл на сумму, достаточную для покупки веревки, что показалось окружению самодержца нереальным. Как известно, Пётр I беспощадно наказывал самых высокопоставленных деятелей, избличенных в казнокрадстве и мздоимстве, что, кстати, его преемники воспринимали как перегиб и обычно наказывали только низящих чиновников. (Русские императоры и императрицы прекрасно знали о палочной дисциплине в армии, беспощадных телесных наказаниях для многих категорий осужденных обычным судом, но считали эту свирепость государственной целесообразностью.)

Были эпизоды, когда царь-реформатор признавал собственный перегиб и в чем-то отступал от первоначальных намерений. Указ 1705 г. о штрафах за сохранение бород и суммах, взимавшихся за право носить бороду, породил большое недовольство. В Томске и Тобольске сотни людей писали прошения о том, что они не согласны с этим нововведением, а в Астрахани поднялся настоящий бунт, где одной из главных причин называлось требование бриться и укорачивать одежду на заграничный манер. И Петр отреагировал: для Сибири этот указ исполнялся не так строго, да и в целом уклонявшихся от бородобрития преследовали обычно только как потенциальных сторонников раскола. Характерно, что и знаменитые «бородовые знаки», которые должны были выдаваться людям, уплатившим за право носить бороды (2000 птук), так и не пошли в дело, будучи перечеканены в медную монету. Были целые города, где всё купечество носило бороды; многие чиновники и офицеры тоже игнорировали царский указ. И только к началу 1730-х гг. дворяне приняли моду бриться [19].

Впрочем, один из сознательных перегибов Петра Великого не был проявлением насилия, а имел положительное значение для культурной политики. Речь идет о резком завышении тиражей книг, которые затем десятилетиями пылались на складах. Это было сознательным проявлением заботы о немногочисленных тогдашних читателях, которым гарантировалось, что они при необходимости найдут любую вышедшую в государстве книгу.

В XVIII и XIX веках чиновничья корпорация чрезвычайно разрослась, и в документах зафиксирован значительный фактический материал об ее усердии не по разуму. Из эпохи царствования просвещенного Александра Павловича сохранился приказ генерала Аракчеева о порядке деторождения в военных поселениях, когда каждая крестьянка под угрозой штрафа должна была каждый год рожать, причем лучше сына, чем дочь. За рождение мертвого младенца или «пропуск» года тоже полагался штраф. Аракчеев сам определял, кому на ком из поселенцев жениться, а также издавал «краткие правила для матерей-крестьянок» о кормлении грудных младенцев [3, с. 322]. Александр Благословенный перегибами это не считал.

Николай I, заявлявший, что ему нужны не столько умные, сколько верные, спокойно относился к злоупотреблениям, серьезно взыскивая лишь с мелких исполнителей. Он избегал серьезных наказаний для крупных администраторов, даже очевидных коррупционеров, причем такой подход разделялся и его преемниками. Однако перегибы властей уже отмечались современниками, особенно на низовом уровне. О типичном перегибщике-полицейском рассказал известному публицисту К.А. Скальковскому знакомый ему профессор. Когда в Киев приехал Николай I, то он «...обратил внимание, что в Лавре народ подходит к [мощам] без уважения к святыне. Пристав ничего умнее не придумал, как поставить у мощей квартального [надзирателя], который подходивших мужиков толкал по шее [для поклона], приговаривая: “с уважением к святыне”, “с уважением к святыне!”» [30, с. 297]. О Николае I и Александре II С.М. Соловьев писал: «Крайности – дело легкое; легко было завинчивать при Николае, легко было взять противоположное направление и поспешно-судорожно развинчивать при Александре II...» [31, с. 345, 346] (хотя вряд ли «развинчивать» было легко!).

Культурный помещик А.Н. Энгельгардт, отмечая, что после земской реформы сельская полиция постепенно отвыкла от мордобития, тем не менее писал о частом свехусердии и самодурстве мелкого начальства. «Не раз случалось, – об этом и в газетах пишут, – что разгоняли хороводы, вечеринки, игрища, посиделки, свадьбы. Министр внутренних дел даже вынужден был издать по этому поводу *особый циркуляр* от 23-го октября 1879 года, коим разъясняет, что игрища и тому подобные увеселения народа не суть нарушения общественной тишины и спокойствия» [38, с. 313].

Властный перегиб отразился в традиционном обвинительном уклоне, который закрепился в деятельности судебной системы, благополучно существуя в ней и поныне. И чиновники, и общество были равнодушны к судьбе человека, оказавшегося в поле действия правоохранительной системы. С одной стороны, раз попался в лапы правосудия, значит, виновен; с другой стороны, правды в суде всё равно не найти: «с сильным не борись, с богатым – не судись». И люди, и власть знали, что чиновники всегда готовы проявить и дополнительную бдительность, и избыточное усердие, за которое вряд ли накажут. Население относилось к этому как к свидетельству порочности чиновничьего племени, а императоры – как к неизбежному злу. Козьма Прутков высказался, что де хорошо, что нет в России эфиопов, а то ведь наши чиновники затеют «отбеливать известкой их черные зады»...

Перегиб в сторону усиления власти всегда трактовался ею как более допустимая вещь, нежели недостаточное исполнительское усердие. Но практика тестирования общества постоянными мобилизационными кампаниями с фактическим требованием перегибов и обещанием легких взысканий за них была впереди. Недаром в словаре В. Даля перегиб объясняется только с обычной точки зрения (сгибание и пр.), без указания на его связанность с чьим-либо излишним усердием.

Глубокое недоверие к полиции и вообще к низовой власти отразилось в художественной и мемуарной литературе. В России XIX – начала XX в. общество стало возмущаться неадекватными реакциями низовых властей на те или иные распоряжения сверху, что говорило в пользу повышения его зрелости. Возмущения, как правило, вызывались избытком усердия местных чиновников или охранителей-доброхотов. Так, герой чеховского рассказа «Унтер Пришибеев» (1885), наводя привычную ему военную дисциплину, по собственной инициативе запрещал деревенским собираться группами, петь, а также следил, «которые крестьяне сидят с огнем» по вечерам. У А. Аверченко есть рассказ 1916 г. «Люди, близкие населению», в котором один из столичных министров как-то раз удивился, «отчего у нас так мало открытий в области науки, а также почти не слышно о художниках, музыкантах и поэтах». Услышав от подкованного секретаря, что такие есть, но «гибнут в безвестности», его превосходительство велел эти таланты открывать и «вытаскивать за уши на свет божий». В результате губернаторам ушел циркуляр с указанием дать полиции распоряжение разыскивать изобретателей, музыкантов, художников и поэтов. Но это замечательное указание дошло до приставов и урядников уже в таком виде: «До сведения начальства дошло, что тут некоторые из населения занимаются художеством – музыкой, пением и климатологией. Предписываю вам обнаруживать виновных и, по выяснении их художеств, направлять в стан».

В итоге через две недели в департамент полиции стали поступать из провинции донесения следующего вида: «Согласно циркуляра от 2 февраля, лица, виновные в пении, живописи и климатологии, обнаружены, затем, после некоторого заpiresательства, изобличены и в настоящее время состоят под стражей впредь до вашего распоряжения».

Аверченко заканчивал этот примечательный рассказ следующим абзацем: «Таким образом, мечтавший стать вторым Фуке его превосходительство мог мирно спать и грезить, “что второй Лафонтен читал ему свои басни, а второй Мольер разыгрывал перед ним “Проделки Скапена”. А Лафонтены и Мольеры, сидя по “холодным” и “кордегардиям” необъятной матери-России, заикавались так прочно, как только может заикается простой русский человек» [1].

В новую эпоху появлялись и новые перегибы. В несвободном обществе и освободители считают цель (борьбу с несвободой) важнее принципа свободы. Цензор А.В. Никитенко в дневнике середины XIX в. писал о духе нетерпимости, страсти к умственному и нравственному деспотизму так называемого передового общества. В начале XX в. философ М.О. Гершензон отмечал: «Нигде в мире общественное мнение не властвует так деспотически, как у нас, а наше общественное мнение уже две трети века неподвижно зиждется на признании этого верховного принципа: думать о своей личности – эгоизм, непристойность; настоящий человек лишь тот, кто думает об общественном... работает на пользу общую» [25, с. 74, 75]. Либеральная публицистика сознательно перегибала, представляя жизнь в России как царство голода, произвола и чиновничьей тупости. Массовые убийства и грабежи со стороны революционеров в годы первой русской революции и позднее многими расценивались как адекватный ответ насилиям царского правительства.

Готовность к перегибу особенно тишина для революционеров, ибо революция – олицетворение перегиба, за которым следует неизбежное откатывание. Ф. Энгельс в большом письме соратнику-эмигранту И. Вейдемейеру в апреле 1853 г. писал: «...На практике же мы, как всегда, будем вынуждены ограничиваться тем, чтобы требовать прежде всего решительных мероприятий и абсолютной беспощадности... Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет встать у власти, чтобы в конце концов... под давлением пролетарских масс... производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, – надо надеяться, только в физическом смысле, – наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дура-

ками, что уже гораздо хуже. <...> ...Самое лучшее, что можно сделать, – это уже заранее подготовить в нашей партийной литературе историческое оправдание нашей партии на тот случай, если это действительно произойдет» [25, с. 490, 491].

Марксисты и народники изначально спокойно относились к перспективе как национального, так и мужицко-пролетарского террора. Впитавший гегелевскую идею об «исторических» и «неисторических» народах Энгельс в начале 1849 г. уверял, имея в виду прежде всего славян: «В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом» [24, с. 35]. Но ленинцы вели свою генеалогию не только от Маркса с Энгельсом, но и от еще более крайних радикалов вроде немецкого революционера К. Гейнца (1809–1880), который полагал, что достаточно «...избить два миллиона человек на земном шаре – и дело революции пойдет как по маслу» [10, с. 60]. Правда, Гейнец выглядит довольно умеренно по сравнению с иными русскими революционерами. Например, В.Г. Белинский писал другу 28 июня 1841 г.: «Я начинаю любить человечество по-маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную...» [13, с. 345]. Идеолог терроризма П.Н. Ткачѳв, озлобленный тюремным заключением, некоторое время считал необходимым для победы революции уничтожить основную часть населения: «Успех революции будет обеспечен, если всем жителям Российской империи старше 25 лет отрубят головы» [2, с. 63]. В 1907 г. вышла брошюра эсера-максималиста М.А. Энгельгардта «Очистка человечества». В ней он делил человечество на две подлинные расы – расу приличных людей и «расу негодяев», причем принадлежность к расе считал наследственной. Автор предлагал физически уничтожить всю «расу негодяев», к которым он относил крайне правых контрреволюционеров.

Поклонялись террору и другие виднейшие русские революционеры: Н.В. Шелгунов писал, что «...если для осуществления наших стремлений пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы этого. И это вовсе не так ужасно» [34, с. 316]. А П.Г. Заичневский был уверен: «...Прольется река крови, погибнут, может быть, и невинные жертвы <...> Помни тогда: кто будет не с нами, тот будет против нас, кто против нас – враг, а врагов следует истреблять всеми способами. <...> бей на площадях, бей в домах, бей в тесных переулках, бей по деревням и селам» [34, с. 330, 334]. Процесс над группой С.Г. Нечаева оказал сильное влияние на тогдашних молодых народников, и сын помещика В.К. Дебогорий-Мокриевич вспоминал: «В вопросе об убийстве [студента] Иванова после размышлений мы... признали справедливым принцип – “цель оправдывает средства”» [9, с. 27]. Полная аморальность подобных ультрареволюционеров

привлекала Ленина [39, с. 336–350], особенно восхищавшегося фигурой кровавого демагога Нечаева и не забывавшего повторять бакунинско-нечаевский тезис о том, что нравственно всё, что способствует торжеству революции.

Крайности, присущие национальному характеру, рождали рывки и со стороны новых властей, свергнувших самодержавие. Временное правительство весной 1917 г. пошло на всеобщую амнистию для уголовников, считая жертвами царизма всех заключенных, отныне принимаемых в царство долгожданной свободы. Министры, имея юридическое образование, искренне считали, что уголовную среду создает несовершенное общество, так что при революционной власти уголовники должны автоматически превратиться в сознательных граждан.

Большевики не сочли перегибом и широкое привлечение криминала к революционной работе [32, с. 120–149]. Особенно же близка им показалась идея террора как основы для кардинальной социальной чистки. Ленин и многие его соратники были абсолютно согласны с теоретическими обоснованиями красного террора, зафиксированными в известных работах «Терроризм и коммунизм» Л. Троцкого и «Экономика переходного периода» Н. Бухарина. Начальник Главлита П.И. Лебедев-Полянский в декабре 1921 г. назвал «прекрасной» брошюру Троцкого «Терроризм и коммунизм» за ее оправдание коммунистического насилия [29, с. 171]. Не возражали они и Г.Е. Зиновьеву, печатно объявившему о необходимости истребить десятую часть населения России¹, враждебную большевикам. Только известный призыв М.Я. Лациса уничтожить классового врага вслепую по данным о его происхождении и занятиям вызвал протест Ленина, но больше из-за того, что оказался высказан чересчур открыто: выговор Лацису был сделан не публично.

Широкий красный террор, по Ленину, подразумевал именно такой, предельно упрощенный всевозможными лацисами подход к решению судеб классовых противников. Пресловутый красный (иногда именовавшийся советским) бандитизм – это суть советской политики всех 20–30-х гг., когда верхушка сознательно терроризировала социум криминальным произволом низовых властей, причем последние наказывались за это только в случае каких-то запредельных эксцессов. При этом собственно чекистские «перегибы» при постоянных массовых арестах исправлялись личным вмешательством верхов – все вожди постоянно занимались ходатайствами за оказавшихся в застенках полезных и лично знакомых «спецов», а также почему-либо оказавшихся за решеткой «социально близких». Недаром ВЧК как «чрезвычайку» сами партийцы иронически именовали «чересчуркой».

¹ Северная коммуна. 1918. № 109. 19 сент.

Идеократическая диктатура коммунистов дала перегибу новое обоснование и широкое дыхание. Большевики быстро усвоили, что в стране крайностей власть может действовать куда свободней, чем царская, развязывая себе руки, и в случае эксцессов уходить от ответственности, дежурно обвиняя исполнителей. Большевики представляли себя выразителями воли народа и поэтому постоянно демонстрировали формальную готовность к диалогу с обществом, но только на основе постоянных мобилизаций, используя в нужном направлении, по словцу 20–30-х гг., «ярость масс». А особенно крутые перегибы показывали самим большевикам, что им не было пути назад. Этот принцип отсутствия обратного хода был очень значим, о чем говорит дневник Троцкого с размышлениями о смысле казни царской семьи как некоего этапа, который делал невозможным отступление от большевистской теории и практики [33, с. 100, 101]. Напротив, уничтожение всей императорской семьи позволяло ставить точку на старом режиме, углублять революцию, развивать принуждение и репрессии дальше.

Чрезвычайщина советской эпохи – отец и мать перегиба. Исследователями отмечено, что чрезвычайщина – это выход за рамки должностных инструкций и предписаний, широкое использование в управленческой практике административного нажима для «победы любой ценой». Чрезвычайщина стала рутинной властью, позволяя камуфлировать злоупотребления чиновников: самоснабжение, разбазаривание казенных средств, семейственность, кумовство и т. п. [18, с. 125–139]. Кампании по насаждению военного коммунизма и эпоха «великого перелома» дали чрезвычайщине громадное ускорение. Главными теоретиками выступили, разумеется, вожди. В.М. Молотов, признавая, что Ленин, случалось, «перебарщивал», вспоминал характерное высказывание основателя партии: «У нас такой характер народный, что для того, чтобы что-то провести в жизнь, надо сперва сильно перегнуть в одну сторону, а потом постепенно выправлять. А чтобы сразу всё правильно было, мы еще долго так не научимся» [37, с. 207]. И введение нэпа фактически было признанием того, что с попыткой непосредственного перехода к коммунизму власти сильно забежали вперед.

В докладе на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. Сталин, разъясняя итоги прошедшего пленума ЦК РКП(б), обвинил «кулаков» в том, что они виновны в появлении перед трудящимися массами «призрака голода». В не опубликованной части доклада Сталин, требуя не бояться перегибов при наступлении на классового врага, вспомнил о стихийных расправах 1917 г.: «Но где бывало, чтобы обходилось дело без всяких перегибов при проведении крупных дел, крупных кампаний? Я помню хорошо... в 1917 году, когда матросы наши в Кронштад-

те и Финляндии... шарахнулись и порезали довольно много офицеров. Но никто не мог сказать, что порезаны были заслуженно все» [23, с. 75].

Революция и Гражданская война родили широко использовавшуюся формулу «Лучше перегнуть, чем недогнуть». Сибирские красные партизаны объясняли свой террор в отношении сторонников белых так: «У нас был уважаемый всеми лозунг “Лучше перерубить, чем недорубить”»². Все кампании, особенно партийные чистки, шли с большими перегибами. В 1925 г. во время проверки партийных билетов председатель одной из проверочных комиссий, бывший крупный чекист Ф.А. Сова-Степняк, заявил на собрании ячейки Новониколаевского губотдела ОГПУ, что в деле чистки «лучше перегнуть, чем недогнуть: если недогнешь – вредный элемент останется в партии, если перегнешь – ошибку исправит контрольная комиссия»³.

В Сибирском крае за 1929 г. через места заключения в связи с проводимыми кампаниями прошло 25 тыс. человек, в том числе 1379 осужденных низовых работников, арестованных за «нарушение директив», из которых до половины отбывало реальное наказание⁴. Это были в основном мародеры и красные бандиты, обвиненные в пресловутых перегибах. Отношение к ним было прежнее: это свои, которые «перегнули», стремясь как можно лучше выполнить указания партии. Недаром сам секретарь ЦК ВКП(б) В.М. Молотов в начале 1930 г. так инструктировал местных лидеров: «...Когда меня на ноябрьском пленуме [1929 г.] спрашивали отдельные товарищи, как быть с кулаком, я говорил, если есть подходящая речка – топите. Не везде есть речка, значит, ответ недостаточный. Но отсюда ясно – надо громить... придется нам пострелять» [4, с. 655, 656]. Неудивительно, что один из руководителей коллективизации Г.Н. Каминский в речи на совещании организаторов колхозов 14 января 1930 г. заявил о желательности максимально жесткого отношения к крестьянству: «Если в некотором деле вы перегнете, и вас арестуют, то помните, что вас арестовали за революционное дело...» [8, с. 7].

Постреволюционный правящий класс повсеместно принял лозунг о том, что всегда лучше перегнуть, тогда даже в случае явных ошибок наказание будет легче. Перегибы обсуждались и осуждались прессой, но как некая данность [21, с. 15]. Сам термин «перегиб» особенно широко пошел в оборот в связи с «перегибами коллективизации». Председатель СНК РСФСР С.И. Сырцов 5 марта 1930 г., докладывая Сталину о ходе коллективизации в Центрально-Черноземной области, отмечал: «Относительно перегибов специально в отношении ЦЧО говорить бы особенно не прихо-

² ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1168. Л. 7.

³ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 24.

⁴ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 114. Л. 8.

дилось, имея в виду, что эти перегибы допущены во всех областях нашего Союза, но особенностью ЦЧО является то обстоятельство, что эти перегибы, видимо, получили свое легальное обоснование. По области беспрепятственно и без осуждения со стороны партийных организаций гуляют следующие лозунги: “Лучше перегнуть, чем недогнуть”, “колеблющийся середняк заслуживает такого же отношения, как и кулак”... Этим, очевидно, объясняется то обстоятельство, что в ЦЧО массовые эксцессы приняли особенно широкий характер...» [27, с. 133].

Региональные лидеры, способные отчитаться о выполнении планов коллективизации, хлебозаготовок, трудовых мобилизаций, промышленного и транспортного строительства, обычно получали награды и расположение верхов, невзирая на цену своих успехов. Те же начальники, которые проваливались и срывали планы, становились козлами отпущения. Так, И.М. Варейкис и Р.И. Эйхе, возглавлявшие парторганизации Центрально-Черноземной области и Сибирского края, не понесли никакого наказания за рекордные «перегибы» при «раскулачивании» в начале 1930 г., ибо смогли дать высокие цифры коллективизированных хозяйств и с помощью ОГПУ организовали быстрое подавление многочисленных крестьянских выступлений, добившись сносного выполнения планов хлебозаготовок и промышленного роста; оба в середине 1930-х гг. получили ордена, а Эйхе был выдвинут кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

В культурной политике можно видеть те же тенденции. Редактор «Красной нови» А.К. Воронский в августе 1931 г. записал в дневнике о начальнике Главлита Б.М. Волине: «Свирепствует Борис Волин. На собрании редакторов... заявил, что его девиз “лучше переборщить, чем недоборщить”. Сейчас он систематически “перебарщивает”. Стон стоит. [Предыдущим начальником Главлита] Лебедевым-Полянским были недовольны: сейчас он кажется ангелом» [28, с. 132–152].

В случае особо болезненных перегибов власть открыто пряталась за виной подчиненных, как Сталин в статье «Головокружение от успехов» весной 1930 г. Ответ местных властей на давление высшего руководства был различным: либо исполнение в той или иной приемлемой для общества и власти форме, либо перегиб с пониманием, что перегибать необходимо в указанном направлении, либо тихий саботаж в случае, если требование верхов сложно, невыгодно, нереально, безумно. Негласные (и откровенные) инструкции власти были понятны: за беспрекословное выполнение и перевыполнение государственных заданий будет награда даже в случае перегиба. Проверки деятельности партийно-советского руководства осенью 1932 г. зафиксировали повсеместные и многочисленные «левацкие перегибы»: издевательство над крестьянами, «раскулачивание» колхозников, принудительное обобществление скота, незаконные аресты, обыски,

штрафы, конфискации имущества [14, с. 90–96]. В 1932 г. секретарь Уральского обкома ВКП(б) И.Д. Кабаков писал Сталину, что на уральских заводах не осталось специалистов – они были арестованы по обвинениям во вредительстве [5, с. 98–110].

Новые кампании постоянно рождали новые перегибы. Как сообщал в 1934 г. Запсибкрайкому о проведении хозяйственно-политических кампаний секретарь Боготольского РК ВКП(б) Чулков: «В районе каждый чудак убеждался в том, что... Райком... пройдет по “группам”, но заставит сделать...»⁵ Сталин убежденно защищал перегибщиков. Так, в конце января 1934 г. он запретил прокуратуре привлечь к уголовной ответственности двух руководящих работников Шемонаихского района Восточно-Казахстанской области, организовавших убийство на общем колхозном собрании троих «расхитителей социалистической собственности». Вождь предложил прекратить дело и ограничиться разъяснением «о недопустимости самосудов» [35, с. 133].

Типичным перегибом была оценена статья из сборника, посвященного совхозной практике и задержанного цензурой уже в типографии. В отчете цензурного ведомства за 1933 г. упоминается факт задержки Главлитом сверстанной Сельхозгизом книги, в которой предлагалось организовать «кладбищенские совхозы для извлечения из человеческих трупов сахара, мыла, соли и т. п.» [15, с. 293]. В 1933 г. у чекистов возникла идея поистине великой чистки городов и сел от «социально-чуждого элемента», они предложили депортацию в Западную Сибирь и Казахстан двух миллионов человек (т. е. в масштабе 1930–1931 гг., но с упором на высылки из городов, где скопилась масса бежавших от голода и террора крестьян и маргиналов). Однако власти страны, увидев ограниченность своих ресурсов, выслали в 1933 г. «только» 270 тыс. человек, в том числе 130 тыс. – в Западную Сибирь. При этом среди сосланных были выявлены «кулак» в возрасте 103 лет и «проститутка» 86 лет [24, с. 100, 101]. Этот эпизод 1933 г. – редкий пример антикампанейщины, когда первоначальные чекистские предложения выслать миллионы были почти на порядок сокращены.

Помимо перегибов коллективизации очень характерным явлением выглядит кампания Большого террора 1937–1938 гг., которая также оценивалась властями как необходимое дело. В эти годы чекистские идеи о миллионных масштабах стремительных чисток оказались реализованы: лимиты на расстрелы были превышены на порядок, а карательные инициативы власти рождали ответные усилия региональных как чекистов, так и многих партийных лидеров. Критикуя избыточность чистки коммунистов (массовые аресты «кулаков», «бывших людей» и «инонаци-

⁵ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 12. Д. 53. Л. 152.

оналов» не осуждались), секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов в докладе XVIII партсъезду в 1939 г. привел пример, когда секретарь райкома партии из Архангельской области «давал задания каждому коммунисту найти врага народа», заранее предупреждая, что «перегибов от этого никаких не будет» [24, с. 529]. Считалось, что в 1937–1938 гг. многие чекисты «перегнули», особенно в отношении партийцев, и понесли за это заслуженное наказание. При этом их обвиняли не в уничтожении невинных людей, а в том, что благодаря слепым репрессиям от чекистов ускользнули настоящие враги народа.

У большевиков заметен принцип делегирования значительных полномочий на места в случае каких-либо особо масштабных и жестоких кампаний (например, создание в регионах внесудебных троек ОГПУ–НКВД с правом на расстрелы). И отсюда объективно рос перегиб как реакция низовых структур на непомерное давление верховного руководства. Система порождала и развивала именно садизм исполнителей, и садисты были самыми лояльными власти, с точки зрения самой власти, которая требовала, в лице Ленина, «людей потверже». На деле это означало требование крайних мер, включая и устрашающий садизм в виде так называемых «эксцессов». Однако феномен эксцессивности функционирования репрессивно-охранительной системы тесно связан с понятием «перегиб», т. е. нарочитым властным давлением на подчиненных, которые из страха плохо выполнить поставленные задачи прибегали к крайним мерам воздействия на общество. Подчиненные в ходе выполнения приказов власти могли доходить до предела, нарушая все правила и законность до такой степени, при которой это становилось опасно для устойчивости верхов. Поэтому за перегибами следовало примерное наказание провинившихся, допустивших особенно вопиющие эксцессы. Дальше следовали новая кампания и новые эксцессы.

Толковые словари сталинской эпохи стали характеризовать перегиб как «вредную крайность». Между тем власть делила перегибы на допустимые и криминальные, за последние полагалось наказание. Была иерархия эксцессов, более или менее допустимых. В рамках нечетких правовых норм и всевозможных неформальных практик эксцессы оценивались по-разному, в зависимости от масштабов и глубины: недопустимое вчера вдруг становилось обыденным, затем власти снова «обнаруживали» очередной перегиб и по-новому устанавливали пределы допустимого. Важно подчеркнуть, что сталинский курс представлял собой чередование политики «скачков» и массового террора и ограниченных отступлений к «умеренности» и реформам. Такие колебания являются очевидным подтверждением реальной возможности различных вариантов развития даже в рамках диктатуры [36, с. 76].

Для большевистской эпохи характерна непрерывная линия перегибов: коллективизация, силовое изъятие продовольствия в ходе заготовительных кампаний, массовые аресты и пр. Вариантом городского «раскулачивания» стала кампания изъятия валютных ценностей (широко затронувшая и село), шедшая в 1930–1934 гг., когда у населения часто забирали серебряную посуду и золотые обручальные кольца. В период Второй мировой войны отношение к перегибу не менялось. Один из сталинских наркомов рассказывал: «Вы встретите большое сопротивление, возникнут на месте большие трудности. Лучше перегните. Если будет необходимо, мы вас поправим из Москвы», – напутствовал меня Анастас Иванович [Микоян], вручая удостоверение о моем назначении уполномоченным Совнаркома СССР» [22, с. 78].

В коммунистической системе перегиб занял почетное место стимулятора и регулятора в политической, социально-экономической и культурной жизни. Перегиб логичен при мобилизационных рывках и развитием бюрократическом аппарате, клановой системе, закрытой конкуренции между кланами и самими клиентами влиятельных патронов. Это традиция сопровождала авторитарное правление и после Сталина. При Н.С. Хрущёве известны перегибы в насаждении кукурузы и казус секретаря обкома Рязанской области Ларионова, в 1963 г. покупавшего скот в соседних регионах ради перевыполнения плана мясозаготовок. Борьба с пьянством и «нетрудовыми доходами» при М.С. Горбачёве также была продолжением традиционной кампанейщины, когда общественность могла только указывать на недостатки, а власть действовала привычным для себя образом.

Принцип перегиба распространялся и на зависимые от СССР государства. Известны перегибы в ходе коллективизации в Польше, результатом которых стал фактический отказ от колхозной системы после 1956 г., а также широкие политические репрессии в Венгрии, во многом вызвавшие восстание в ноябре 1956 г. Перегибом было признано в 50-е годы и преимущественное развитие индустрии в ГДР. В целом слепое копирование опыта СССР странами «народной демократии» осознавалось в середине 1950-х гг. как вредный перегиб в большинстве зависимых стран и преодолевалось новым руководством. Впоследствии власти Китая признали перегибом пресловутую «великую культурную революцию». А в современной России сторонники коммунистической идеи готовы, хотя всё менее охотно, признать и наличие перегибов в советский период, не отказываясь от основного его содержания.

Перегиб как значимое явление в смысле влияния на отношения власти и социума возникает и закрепляется верхами на достаточно позднем уровне общественного развития, когда власть начинает искать подходы

для лучшего манипулирования обществом. Беря на себя задачи осуществления глобальных и быстрых насильственных изменений, власть сталкивается с сопротивлением массы людей. И перегиб из бытовой сферы перемещается во властную, обретая особое качество. Перегиб, проявляющийся при доведении властного посыла до населения, оказывается самым простым и эффективным способом компенсировать отсутствие механизмов обратной связи власти с обществом. Разумеется, при ситуации, когда общество на решения властей отвечает резко конфликтно, правящие верхи лавируют, практикуя сначала максимум жестокости, а затем давая передышку. Так, региональные тройки ОГПУ, расстреляв с начала коллективизации и до мая 1931 г. порядка 30 тыс. человек, затем были лишены права применять высшую меру наказания из-за вскрытых прокурорами частных случаев необоснованного применения этой меры. Однако в декабре 1932 г., реагируя на трудности с хлебозаготовками, Сталин вновь дал региональным тройкам полномочия расстреливать, и те уничтожили к середине 1933 г. не менее 15 тыс. «врагов народа».

Перегиб совершенно необходим и авторитарной, и особенно тоталитарной власти. С его помощью она себя легитимизирует, объясняет ошибки и находит виновных. Ограниченное наказание виновных в перегибах выпускает пар. Перегиб – следствие желания власти всецело управлять социумом, усиленно раскачивая маятник мобилизационных рывков и силовым путем преодолевая известную рыхлость и необязательность, недисциплинированность, инициативность управленческой системы и самого социума в целом. Силовым толчком при запуске всякой кампании де-факто предполагал излишнюю шумиху и свехусердие, борьбу за перевыполнение планов, за должности и награды, а также страх перед расправой в случае неуспеха или вялых темпов. Выгодоприобретателями от такой политики были многие представители как верхов, так и низовых начальников; вместе с тем некоторые лидеры на всех уровнях могли пострадать в ходе неизбежного упорядочения кампании. Как у царя, с народной точки зрения, были плохие бояре, так в советское время – с подачи верхов – трудности объяснялись «перегибами на местах», о которых «Москва не знает».

В СССР всё время проводились мобилизационные кампании, при осуществлении которых перегиб становился предпосылкой успеха. Таким образом, перегиб стал важным и неотъемлемым способом взаимодействия диктаторского государства и общества. Следы его видны в период поздней Российской империи, но осознанное воздействие на общество в целом очевидно в советский и, увы, постсоветский периоды. Бывший министр культуры России В. Мединский в 2015 г. дословно повторил старую формулу «Лучше перегнуть, чем недогнуть», добавив и привычного властного

цинизма: «Вы наивно считаете, что факты в истории – главное. Откройте глаза: на них уже давно никто давно не обращает внимания! Главное – их трактовка, угол зрения и массовая пропаганда <...> Вам этот напомнило советский агитпроп? Что ж, не без этого... Я местами сознательно перегибаю палку. Ибо сегодня с обелением советской истории – лучше перегнуть, чем недогнуть» [6].

Феномен властного перегиба действует поныне и свидетельствует об архаичности национального сознания, которое никак не может достичь золотой середины самоуважения и почтения к праву и готово признать только широкие и неопределенные понятия «правды» и «справедливости», не забывая при этом слепо повиноваться властям, к которым испытывается сознательное или бессознательное негативное отношение – от недоверия до ненависти. Поэтому перегиб – настоящее и обозримое будущее России.

Литература

1. *Аверченко А.* Позолоченные пилюли. – Пг.: Виктория, 1916. – 64 с.
2. *Анненская А.* Из прошлых лет // Русское богатство. – 1913. – Кн. 1. – С. 53–81.
3. *Б.Р. Аракчеев А.А.* // Новый энциклопедический словарь / под ред. К.К. Арсеньева. – СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1912. – Т. 3. – С. 316–322.
4. *Баберовски Г.* Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. – М.: РОССПЭН, 2010. – 855 с.
5. *Бакулин В.И., Лейбович О.А.* Рабочие, спецы, партийцы: о социальных истоках «Великого перелома» // Рабочий класс и современный мир. – 1990. – № 6. – С. 98–110.
6. *Вассерман А.* Мнение профессионала. – URL: <http://awas1952.livejournal.com/469702.html?thread=43291334> (дата обращения: 18.05.2021).
7. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), 10–21 марта 1939 г.: стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1939. – 737 с.
8. Вопросы истории. – 1965. – № 3.
9. *Гамбаров А.* В спорах о Нечаеве: к вопросу об исторической реабилитации Нечаева. – М.; Л.: Московский рабочий, 1926. – 147 с.
10. *Герцен А.И.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 10. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 536 с.
11. *Гершензон М.О.* Творческое самосознание // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1909. – С. 74–95.
12. *Иванов П.И.* Описание Государственного архива старых дел, составленное инспектором государственных архивов и членом разных ученых обществ П. Ивановым. – М.: Тип. С. Селивановского, 1850. – 390 с.
13. *Иванов-Разумник Р.В.* История русской общественной мысли. В 3 т. Т. 1. – М.: Республика; ТЕРРА, 1997. – 416 с.

14. *Ильиных В.А.* 1932-й год: «левацкие перегибы» в Полтавском районе Западно-Сибирского края // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 3. – С. 90–96.
15. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. – М.: РОССПЭН, 1997. – 672 с.
16. *Ключевский В.О.* Русская история: полный курс лекций. В 3 кн. Кн. 2. – М.: Мысль, 1993. – 584 с.
17. *Коллманн Н.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 616 с.
18. *Кометчиков П.В.* «Институт уполномоченных» на селе Центрального Нечерноземья середины 1940-х – начала 1960-х гг. // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2014. – № 4 (27). – С. 125–139.
19. *Костин А.* Гладкий подбородок и начало новой русской литературы. – 2020, 29 октября. – URL: <https://polit.ru/article/2020/10/29/gladkypodborodok/> (дата обращения: 18.05.2021).
20. *Красильников С.А.* Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. – М.: РОССПЭН, 2003. – 288 с.
21. *Крупская Н.К.* Еще об одном перегибе // На путях к новой школе. – 1930. – № 4–5. – С. 15–19.
22. *Куманев Г.А.* Говорят сталинские наркомы. – Смоленск: Русич, 2005. – 632 с.
23. *Курляндский П.А.* Сталин о религии на исходе нэпа // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2010. – № 4. – С. 54–83.
24. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 6. – М.: Политиздат, 1957.
25. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 28. – М.: Политиздат, 1962.
26. *Панченко А.М., Успенский Б.А.* Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // Из истории русской культуры. – М., 2002. – Т. 2, кн. 1. – С. 457–478.
27. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. Кн. 1. – М.: РОССПЭН, 2005. – 912 с.
28. *Полонский В.* «Моя борьба на литературном фронте». Дневник. Май 1920 – январь 1932 / подгот. текста, публ. и коммент. С.В. Шумихина // Новый мир. – 2008. – № 5. – С. 132–152.
29. *Лебедев-Полянский П.И.* На литературном фронте: сборник статей. – М.: Новая Москва, 1924. – 208 с.
30. *Скальковский К.А.* Современная Россия: очерки нашей государственной и общественной жизни. Т. 2. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1900. – 363 с.
31. *Соловьев С.М.* Избранные труды. Записки. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 438 с.
32. *Тепляков А.Г.* Криминал и власть в годы Гражданской войны и нэпа // Исторические записки. – 2018. – Вып. 17 (135). – С. 120–149.
33. *Троцкий Л.Д.* Дневники и письма / под ред. Ю.Г. Фельштинского. – М.: Изд-во гуманитар. лит., 1994. – 256 с.
34. Утопический социализм в России: сборник документов / под ред. А.И. Володина. – М.: Политиздат, 1985. – 590 с.

35. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. – М.: РОССПЭН, 1996. – 296 с.
36. Хлевнюк О.В. Сталинский период советской истории. Историографические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. – 2017. – Т. 56, № 3. – С. 71–80.
37. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. – М.: Терра, 1991. – 623 с.
38. Энгельгардт А.Н. Письма из деревни. – СПб.: Наука, 1999. – 715 с.
39. Karponich M. A Forerunner of Lenin: P.N. Tkachev // Review of Politics. – 1944. – Vol. 6. – P. 336–350.

Статья поступила в редакцию 30.11.2020.

Статья прошла рецензирование 14.12.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-303-326

THE OVERKILL PHENOMENON IN RUSSIAN HISTORY

Teplyakov Alexey,

Cand. of Sc. (History),

Associate Professor at the Department of Philosophy and Humanities

Novosibirsk State University of Economics and Management,

56 Kamenskaya Street, Novosibirsk, 630099, Russian Federation

SPIN-code (RSCI): 9178-5638

AuthorID (RSCD): 76585

ResearcherID: K-1248-2018

teplyakov-alexey@rambler.ru

Abstract

This article analyzes the phenomenon of overkill, which usually accompanies human life as an example of non-constructive behavior. In this article, the author considers the overkill phenomenon in the late Imperial and Soviet period in Russia, when overkill was de facto constituted and became one of the ways to manage society. The author proves that with the development of society, the government begins to need overkill as a means of effective management policy, which allows testing public opinion while achieving the goals set by the government. Taking on the task of implementing global and rapid violent changes, the government faces resistance from people. The author shows that overkill transitions from a household phenomenon to the one used by the state, gains a special quality. The overkill that occurs when the message of power is conveyed to the population is the simplest and most effective way to compensate for the lack of feedback mechanisms between the government and society. This phenomenon has proven necessary for the authoritarian and especially totalitarian authorities – they use it to legitimize themselves, explain mistakes, and declare people guilty. In the Communist system, overkill played an important role as a stimulator and regulator in political, socio-economic, and cultural life. Mobilization campaigns, so popular in the USSR, used this overkill method as a prerequisite for success. Thus, overkill has become an important and integral way of interaction between a dictatorial state and society.

Keywords: overkill, power, autocracy, authoritarianism, terror, Stalin.

Bibliographic description for citation:

Teplyakov A. The Overkill Phenomenon in Russian History. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 2, pt. 2, pp. 303–326. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-303-326.

References

1. Averbchenko A. *Pozolochennye pilyuli* [Gilded pills]. Petrograd, Viktoriya Publ., 1916. 64 p.

2. Annenskaya A. Iz proshlykh let [From the past years]. *Russkoe bogatstvo = Russian Wealth*, 1913, bk. 1, pp. 53–81.
3. B.R. Arakcheev A.A. [Aleksy Arakcheyev]. *Novyj entsiklopedicheskiy slovar'*. T. 3 [New Encyclopedic Dictionary. Vol. 3]. St. Petersburg, F.A. Brokgauz i I.A. Efron Publ., 1912, pp. 316–322.
4. Baberowski J. *Der Feind ist überal. Stalinismus im Kaukasus*. Paris, Payot, 2001 (Russ. ed.: Baberovski I. *Vrag est' vezde. Staliniizm na Kavkaze*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 855 p.).
5. Bakulin V.I., Leibovich O.L. Rabochie, spetsy, partiitsy: o sotsial'nykh istokakh "Velikogo pereloma" [Workers, specialists, party members: on the social origins of the "Great turning point"]. *Rabochii klass i sovremenniy mir = The working class and the modern world*, 1990, vol. 6, pp. 98–110.
6. Vasserman A. *Mnenie professionala* [Professional opinion]. Available at: <http://awas1952.livejournal.com/469702.html?thread=43291334> (accessed 18.05.2021).
7. XVIII s'ezd Vsesoyuznoi kommunisticheskoi partii (b), 10–21 marta 1939 g.: stenograficheskii otchet [XVIII Congress of the All-Union Communist Party (b), March 10–21, 1939: Verbatim record]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1939. 737 p.
8. *Voprosy istorii = Issues of History*, 1965, no. 3.
9. Gambarov A. *V sporakh o Nechaev: k voprosu ob istoricheskoi reabilitatsii Nechaeva* [In disputes about Nechaev: On the issue of the historical rehabilitation of Nechaev]. Moscow, Leningrad, Moskovskii rabochii Publ., 1926. 147 p.
10. Herzen A.I. *Sobranie sochinenii*. V 30 t. T. 10 [Complete set of works. In 30 vol. Vol. 10]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1956. 536 p. (In Russian).
11. Gershenzon M.O. Tvorcheskoe samosoznanie [Creative self-awareness]. *Vekhi: sbornik statei o russkoi intelligentsia* [Vekhi. Collection of articles about the Russian intelligentsia]. Moscow, 1909, pp. 74–95.
12. Ivanov P.I. *Opisanie Gosudarstvennogo arkhiva starykh del, sostavlennoe inspektorom gosudarstvennykh arkhivov i chlenom raznykh uchbenykh obshchestv P. Ivanovym* [Description of the State Archive of Old Files, compiled by the inspector of state archives and a member of various scientific societies P. Ivanov]. Moscow, S. Selivanovskii Publ., 1850. 390 p.
13. Ivanov-Razumnik R.V. *Istoriya russkoi obshchestvennoi mysli*. V 3 t. T. 1 [History of Russian social thought. In 3 vol. Vol. 1]. Moscow, Respublika Publ., TERRA Publ., 1997. 416 p.
14. Il'nykh V.A. 1932-i god: "levatskie peregiby" v Poltavskom raione Zapadno-Sibirskogo kraia [1932: "leftist excesses" in the Poltava region of the West Siberian region]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanitarian sciences in Siberia*, 2012, no. 3, pp. 90–96.
15. *Istoriya sovetskoi politicheskoi tsenzury. Dokumenty i kommentarii* [History of Soviet political censorship. Documents and comments]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 672 p.
16. Klyuchevskii V.O. *Russkaya istoriya: polnyi kurs lektsii*. V 3 kn. Kn. 2 [Russian history. Complete course of lectures. In 3 bk. Bk. 2]. Moscow, Mys' Publ., 1993. 584 p.

17. Kollmann N.Sh. *Crime and punishment in early modern Russia*. Cambridge University Press, 2012 (Russ. ed.: Kollmann N. *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 616 p.).
18. Kometchikov I.V. “Institut upolnomochennykh” na sele Tsentral’nogo Nechernozem’ya serediny 1940-kh – nachala 1960-kh gg. [“Institute of Commissioners” in the village of the Central Non-Black Earth Region in the mid-1940s – early 1960s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya = Perm University Herald. Series: History*, 2014, no. 4 (27), pp. 125–139.
19. Kostin A. *Gladkii podborodok i nachalo novoi russkoi literatury* [Smooth chin and the beginning of a new Russian literature], 2020, October 29. Available at: <https://polit.ru/article/2020/10/29/gladkypodborodok/> (accessed 18.05.2021).
20. Krasil’nikov S.A. *Serp i Molokh. Krest’janskaya ssylka v Zapadnoi Sibiri v 1930-e gody* [Sickle and Moloch. Peasant exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 288 p.
21. Krupskaya N.K. Eshche ob odnom peregibe [Another kink]. *Na putyakh k novoi shkole = On the way to a new school*, 1930, no. 4–5, pp. 15–19.
22. Kumanev G.A. *Govoryat stalinskie narkomy* [Stalin’s commissars say]. Smolensk, Rusich Publ., 2005. 632 p.
23. Kurlyandskii I.A. Stalin o religii na iskhode nepa [Stalin on religion in the last years of the NEP]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Herald of Tver State University. Series: History*, 2010, no. 4, pp. 54–83.
24. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. T. 6 [Complete set of works. Vol. 6]. Moscow, Politizdat Publ., 1957.
25. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. T. 28 [Complete set of works. Vol. 28]. Moscow, Politizdat Publ., 1962.
26. Panchenko A.M., Uspenskii B.A. Ivan Groznyi i Petr Velikii: kontseptsii pervogo monarkha [Ivan the Terrible and Peter the Great: the concept of the first monarch]. *Iz istorii russkoi kul’tury* [From the history of Russian culture]. Moscow, 2002, vol. 2, bk. 1, pp. 457–478.
27. *Politbyuro i krest’yanstvo: vysylka, spetsposelenie. 1930–1940 gg.* Kn. 1 [Politburo and the peasantry: Expulsion, special settlement. 1930–1940. Vol. 1]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 912 p.
28. Polonskii V. “Moya bor’ba na literaturnom fronte”. *Dnevnik. Mai 1920 – yanvar’ 1932* [“My struggle on the literary front”. Diary. May 1920 – January 1932]. *Novyi mir = Russian Studies in Literature*, 2008, no. 5, pp. 132–152.
29. Lebedev-Polyanskii P.I. *Na literaturnom fronte* [On the literary front]. Moscow, Novaya Moskva Publ., 1924. 208 p.
30. Skal’kovskii K.A. *Sovremennaya Rossiya: ocherki nashei gosudarstvennoi i obshchestvennoi zhizni*. T. 2 [Modern Russia. Essays on our state and public life. Vol. 2]. St. Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1900. 363 p.
31. Solov’ev S.M. *Izbrannye trudy. Zapiski* [Selected Works. Notes]. Moscow, MSU Publ., 1983. 438 p.

32. Teplyakov A.G. Kriminal i vlast' v gody Grazhdanskoi voyny i nepa [Crime and Power during the Civil War and the NEP]. *Istoricheskie zapiski*, 2018, iss. 17 (135), pp. 120–149. (In Russian).
33. Trotskii L.D. *Dnevnik i pis'ma* [Diaries and letters]. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury Publ., 1994. 256 p.
34. Volodin A.I., ed. *Utopicheskiĭ sotsializm v Rossii* [Utopian socialism in Russia: collection of articles]. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 590 p.
35. Khlevnyuk O.V. *Politbyuro. Mekhanizmy politicheskoi vlasti v 30-e gody* [Politburo. Mechanisms of political power in the 30s]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 296 p.
36. Khlevnyuk O.V. Stalinskii period sovetsoi istorii. Istoriograficheskie tendentsii i nereshennye problemy [Stalinist period of Soviet history. Historiographic trends and unsolved problems]. *Ural'skii istoricheskii vestnik = Ural Historical Journal*, 2017, vol. 56, no. 3, pp. 71–80.
37. Chuev F. *Sto sorok besed s Molotovym* [One hundred and forty conversations with Molotov]. Moscow, Terra Publ., 1991. 623 p.
38. Engel'gardt A.N. *Pis'ma iz derevni* [Letters from the village]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. 715 p.
39. Karpovich M.A. Forerunner of Lenin: P.N. Tkachev. *Review of Politics*, 1944, vol. 6, pp. 336–350.

The article was received on 30.11.2020.

The article was reviewed on 14.12.2020.